

УДК 39(4/9)

Н. В. Рычкова¹, Г. Р. Столярова²¹*Казанский национальный исследовательский технологический университет, Казань.*²*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань***МАГИЯ КОММУНИКАЦИЙ В СЕМЕЙНЫХ ОБРЯДАХ
РУССКИХ КАЗАНСКОГО ПОВОЛЖЬЯ**

Представленная статья посвящена рассмотрению некоторых аспектов соционормативного блока традиционной культуры одной из локальных этнотерриториальных групп русского этноса – поволжских великороссов. В основу статьи легли полевые материалы, полученные в разные годы участниками (включая авторов) этнографических экспедиций Казанского университета в национальные республики Среднего Поволжья и архивные источники; использована также научная и краеведческая литература. Экспедиционный материал собирался преимущественно методом проведения глубинных интервью, также использовались методы включенного наблюдения, видеофиксации. Подробно охарактеризованы главные элементы родильной обрядности с выделением общих и локальных для поволжских великороссов черт. Выявлены основные участники обрядового комплекса, их степень активности на разных этапах, используемые ими ритуальные элементы продуцирующей, оберегающей магии. Показано, что магические действия родильного комплекса были направлены главным образом на стабилизацию семейного коллектива.

Ключевые слова: поволжские великороссы, Казанское Поволжье, традиционная культура, семейные обряды

Подготовлено при финансовой поддержке РГНФ, проекты № 15-01-18013 «Этнокультурный ландшафт русских сельских поселений Республики Татарстан: от прошлого к будущему» и № 15-11-12601 «Обрядовая культура русского населения Республики Марий Эл: традиции и трансформации»

Семейные праздники являются одной из форм удовлетворения многих потребностей: потребность в праздничном оформлении актуальных жизненных событий; потребность в общении по поводу важного события, потребность в коллективной эмоциональной памяти и другие. Важной составляющей семейных праздников является магия. Магия считается старейшей формой общения, организации коллективной деятельности. Как элемент обряда она направлена на достижение целей с использованием секретных сверхъестественных способностей. Магический аспект коммуникаций в традиционных семейных ритуалах был связан со стабилизацией жизнедеятельности семейного коллектива. Магический комплекс состоял из ритуальных элементов продуцирующего, оберегающего и любовного смысла.

Под семейной обрядностью в этнографической литературе понимается комплекс обычаев и обрядов, связанных с тремя наиболее существенными моментами в жизненном цикле человека: рождением, вступлением в брак, смертью. Семейные как существующие, так и ранее существовавшие

обряды символически оформляют и закрепляют отношения между членами семейного коллектива и между родственниками вообще.

Внимание исследователей к русскому населению региона установилось с конца 1940-х гг. [1; 2]; не иссякает оно и сегодня [4; 6; 15]. Между тем, полевые этнографические исследования проводятся все реже, тем более интересным и востребованным может оказаться конкретный материал.

В данной статье рассматриваются магия коммуникаций в традиционной родильной обрядности русских Казанского Поволжья (Казанское Поволжье – условное обозначение историко-этнографического региона, введенное этнографами Казанского университета Е. П. Бусыгиным и Н. В. Зориным в результате многолетних исследований русского населения дореволюционного периода в рамках Казанской губернии, а также советского и постсоветского времени в границах национальных республик Среднего Поволжья (Марий Эл, Чувашия, Татарстан). Русское население Казанского Поволжья характеризуется общими типологическими чертами культурного комплекса,

сформировавшегося в новых природных условиях средней Волги в тесном взаимодействии с культурами местных финноязычных и тюркоязычных народов) [3, с. 7]. Исследование основано на полевых этнографических материалах экспедиций Казанского университета 1980-х – 2010-х гг. с участием авторов с привлечением архивных источников, научной и краеведческой литературы.

Основное назначение всего комплекса родильной обрядности – способствовать удачному исходу родов, обеспечить здоровье и благополучие новорожденного. Этот комплекс состоял из трех групп: обычаи и обряды, предшествующие родам и связанные с ними; обряды приема новорожденного в семью и общину; обряды очищения. Вторая группа в свою очередь состояла из обычая проведения роженицы и празднования родин, обрядов, связанных с приобщением новорожденного к семье, обычая выбора кумовьев, церковного обряда крещения, обычаев и обряда крестин. Третья группа включала обычай банного «карантина», ритуального мытья в бане, «обряда размывания рук» и церковный обряд очищения роженицы.

Участниками обрядового комплекса, связанного с рождением ребенка, выступали повитуха, роженица, ее муж, свекровь, замужние женщины и вдовы, как члены семейного коллектива, так и другие родственники. Основным чином родильной обрядности многих народов являлась бабка-повитуха. У русских Казанского Поволжья повитухами, как правило, были пожилые женщины, умеющие выполнять различные действия практического и религиозно-магического характера. Не имели права быть повитухами девушки, независимо от их возраста, и замужние женщины [1, с. 53; 7, с. 5; 8, с. 43; 9]. В неразделенных семейных коллективах функции повитухи иногда выполняла свекровь-вдова [9].

Повитуху приглашали тайно от жителей села, так как бытовало поверье: чем больше людей знает о родах, тем труднее они будут [7, с. 3; 9]. Как правило, это делал муж роженицы. В некоторых населенных пунктах края (д. Омары Мамадышского уезда, Семеновское, Кувакино Алатырского уезда и др.) приглашение повитухи входило в обязанность свекрови. Иногда это делала сама роженица.

Сразу же по приходу повитуха готовила место для родов, приготавливала роженицу. В случае трудных родов повитуха прибегала к обрядовым действиям, которые были призваны способствовать их облегчению. Повсеместно в основе обрядовых действий, которые совершала повитуха

для облегчения родов, лежали принципы подражательной магии и представления о магической силе различных предметов.

Некоторые обрядовые действия повитухи были направлены на предопределение будущих занятий ребенка, отражали в определенной степени характер распределения трудовых ролей в семье. Так, например, в Лаишевском уезде повитуха «с целью способствовать благополучному исходу родов» с лаптем и прялкой взбиралась на печь и приговаривала: «Если мальчик, то родись скорее, лапоть плести пора, если девочка – родись скорее, прясть пора» [8, с. 44]. В ряде населенных мест края пуповину мальчику повитуха перерезала на топоре, девочке – на прялке, чтобы они выросли хорошими работниками. В конце XIX века были отмечены случаи перерезания пуповины у мальчика на книге [1, с. 54]. Повсеместно в крае повитухе принадлежало право первой купать новорожденного, крестить его, если рождался очень слабым [9].

В обязанность повитухи входило знание ею различных заговоров [8, с. 43]. Заговоры, используемые повитухой в родильной обрядности, представляли собой элементы предохранительно-оберегательной магии. Так, например, в с. Старки Мамадышского уезда повитуха передавала новорожденного после первого мытья его в бане со словами: «Бабушка Соломонида шла из-за моря, несла кузовок здоровья. Всем дала помаленьку, а этому ребенку – весь кузовок» [9]. В Лаишевском уезде при входе в баню повитуха, «желая отогнать от новорожденного все напасти», произносила следующий заговор: «Тебе, белая береза, на корню не стаивати, а тебе, младенец Христов, скорбей не видывати» [8, с. 44]. Причем заговорами и причитаниями сопровождалась и все другие ее действия.

В обязанность повитухи входило обрядовое мытье роженицы и новорожденного в бане, соблюдение так называемого «банного карантина». У русских Казанского Поволжья, как и других районов расселения этноса, активным участником некоторых обрядовых действий первого этапа родильной обрядности выступал муж роженицы. Так, например, присутствие мужа при родах и некоторые его действия считались одними из наиболее действенных, облегчающими роды. У русских Казанского Поволжья в случае трудных родов роженицу водили по избе через ноги мужа, сидящего на полу. Для облегчения родов муж давал роженице пить воду из своего рта. При задержании последа к пуповине привязывали лапоть

мужа, и он водил роженицу по избе [11, с. 126]. В Спасском уезде Казанской губернии, по свидетельству информатора бюро кн. Тенишева, «чтобы роды совершались благополучно и скоро, муж должен прихотничать, у него тоже что-нибудь болело бы, живот, например. Сама роженица тоже иногда зовет мужа помогать родить, держать за руки, ласкать, ложиться своей тяжестью на нее» [7, с. 4]. В д. Кудейха Алатырского уезда в случае трудных родов муж водил роженицу по полу. В ряде населенных мест края муж ходил в церковь «открывать златые ворота», его заставляли перешагивать через ноги роженицы [1, с. 5; 9]. В Спасском уезде муж даже отвечал за повитуху, помогал ей принимать новорожденного [7, с. 3].

Важное место в комплексе родильной обрядности русских занимали обряды «очищения». В основе этих обрядов лежало представление о «нечистоте» родившей женщины. Считалось, что в течение определенного периода она была восприимчива к вредному воздействию и сама была источником негативной силы. У русских Казанского Поволжья родившая женщина должна была иметь отдельную посуду и некоторое время (неделю или более) не подходить к общему столу, питаться где-нибудь отдельно, до 40 дней не имела права подходить к иконам и ходить в церковь [9]. В результате этого в народе бытовало представление о необходимости обрядового очищения лиц, которые принимали какое-либо участие в родах или даже просто присутствовали при них.

Общепринято к очистительным обрядам в комплексе родильной обрядности относить ритуальное мытье в бане, «банный карантин», обряд «размывания рук» и церковное очищение. В основном на большей территории края все обряды, кроме последнего, проходили в бане. В с. Русские Норваши Цивильского уезда, д. Сидорово Царевококшайского уезда, с. Казанское Уржумского уезда повитуха парила в бане роженицу с ребенком лишь один раз – на 2–3-й день после родов. В д. Гришино Цивильского уезда, с. Явлей Алатырского уезда и др. баню топили один раз сразу же после родов [9].

Проводы в баню носили ритуальный характер. Информатор бюро кн. Тенишева писал: «Тотчас после родов роженицу везут на лошади с новорожденным в жарко натопленную баню, прикрывши ее чапаном или тулупом с головою, чтобы не простудилась и никто не видел ее, не сглазил бы. Едут очень тихо» [7, с. 4]. В д. Зашижемье Уржумского уезда, с. Чкарино, д. Сидорово Царевококшайского уезда и др. роженица непременно брала с собой сковородник для того, чтобы ее

не сглазили [9]. В ритуальном мытье роженицы и новорожденного в бане, как и в обряде «размывание рук», о котором речь ниже, использовались действительные свойства воды смывать грязь, и религиозно-магические представления, связанные с верой в очистительные, целебные, оберегающие свойства воды [5, с. 89]. Окончательно роженица освобождалась от «нечистой силы» через 40 дней, когда ходила в церковь получать так называемое очищение-благословение или очистительную молитву.

«Очищение» повитухи происходило во время обряда «размывание рук». На большей территории Казанского Поволжья этот обряд проходил после ритуального мытья в бане следующим образом: при расставании роженица и повитуха «размывались», то есть умывались из одного ковша одним мылом и утирались одним полотенцем. Мыло и полотенце роженица дарила повитухе [1, с. 54, 55; 9]. В общих чертах данный обряд русских Казанского Поволжья был идентичен обряду «размывание рук» в северорусских и среднерусских поселениях. У южных великороссов он проходил в избе около печи или под матицей. Обряд «размывание рук» на территории края имел некоторые локальные особенности. Так, например, в с. Старки Мамадышского уезда в третью баню роженица дарила повитухе каравай хлеба с солью на платке или куске ситца. Повитуха отрезала от караваев горбушку и съедала ее пополам с роженицей [9]. В некоторых населенных пунктах привятских районов роженица делала повитухе подарок (платок и пирог) спустя 12 дней после родов.

Важное место в комплексе родильной обрядности занимали обычаи и обряды, символизирующие прием новорожденного в семью и общину. Первая группа обрядов и обычаев символизировала признание новорожденного отцом. К ней относился обычай заворачивать ребенка после рождения в отцовскую рубаху. Он был широко распространен на всей территории Казанского Поволжья. Смысл следующей группы обычаев и обрядов заключался в признании новорожденного новым членом коллектива родственников. К этой группе относился обряд проводывания роженицы, празднование родин и крестинный обед (крестины).

Для русских Казанского Поволжья во второй половине XIX века было характерно совмещенное празднование родин с обычаем женского проводывания. В некоторых населенных пунктах края этот обряд имел место через три дня после крестин или был совмещен с празднованием по случаю

крещения новорожденного. Хронологически последний вариант являлся самым поздним, в нем принимали участие и мужчины, и женщины [9]. Круг участниц обряда определялся родственными, соседскими и дружественными связями, как правило, в пределах одной деревни. В одних населенных пунктах женщины приходили проводить роженицу сразу же на следующий день после родов, в других – в течение первых трех дней, в третьих – в период до крещения новорожденного.

Празднование родин предполагало небольшое застолье, в основном за счет принесенной женщинами пищи. Дары, приносимые ими, назывались «на зубок». Повсеместно обязательными являлись мучные изделия. В Спасском уезде в баню на родину приносили пироги, калачи, мед, яичницу, рыбу, пиво, красное вино, яблоки, яйца, соленые огурцы, арбузы [7, с. 5]. В Елабужском уезде – хлеб, соль, пироги, в Ядринском уезде – «женщины кладут «на зубок», то есть дают... по несколько денег... приносят... калачей, кренделей и пирогов [9; 10]. В с. Стемасы Алатырского уезда пирог, приносимый «на зубок», непременно должен был быть круглым, в с. Лекарево Елабужского уезда каравай белого хлеба должен быть куплен на базаре [9]. Корни обычая женского проведения ухода в эпоху материнского родового строя. Основной смысл этого обряда заключался в признании ребенка материнским родом [5, с. 83].

На праздновании по случаю крещения новорожденного (на крестинах) присутствовали родители ребенка, кум и кума, повитуха, родственники, а иногда и соседи, как женщины, так и мужчины. Гости приходили с дарами, которые предназначались главным образом новорожденному. Традиционным кушаньем на крестинном обеде была каша. В народе этот обряд называли «бабина каша». В Чебоксарском уезде, например, он проходил следующим образом: «К концу обеденного стола необходимую потребность составляет каша, за которую, как скоро будет подана на стол, является повивальная бабушка с подносом и подает порядком каждому гостю рюмку вина... тот или та... кладут на поднос деньги... Это называется – бабушке на кашу» [10]. Важные функции в комплексе родильной обрядности выполняли крестные родители новорожденного (кумовья по отношению к отцу и матери ребенка). У русских Казанского Поволжья во второй половине XIX века в кумовья выбирали как родственников («братьев, сестер, свояка, шурина, свояченицу, зятя, племянника, дядю, тетку, двоюродных и троюрод-

ных братьев и сестер»), так и чужих, но «богатых, почетных, влиятельных» [7, с. 5–6].

В результате этнографических экспедиций КГУ были установлены многочисленные факты кумовства (то есть родства по кресту) русских края с чувашами и марийцами [9]. Причем, как русские крестили детей в чувашских и марийских семьях, так и наоборот. На большей территории края обязанности между крестным отцом и крестной матерью новорожденного распределялись следующим образом. Крестная мать несла ребенка (независимо от пола) крестить в церковь. Она же готовила ризки, на которые воспринимали новорожденного, причем девочку воспринимала и обносила три раза вокруг купели крестная мать, а мальчика – крестный отец. Лишь в с. Бер. Майдан Алатырского уезда ризки для мальчика готовил крестный отец [9]. В Мамадышском уезде (с. Малмыжка, Омары, Отары и др.), Уржумском уезде (с. Пектубаево, Чкарино, Токтай-Беляк и др.), Царевококшайском уезде (д. Сидорово, Крутой Овраг и др.) крестить новорожденного непременно несла повитуха. Лишь в церкви она передавала ребенка крестной матери. В Тетюшском уезде бабушка-повитуха уже после обряда крещения при первой церковной службе ходила с ребенком в церковь [13]. В с. Мышино Царевококшайского уезда, с. Казанское, Зашижемье Уржумского уезда в церковь ребенка непременно несла свекровь роженицы, там девочку она передавала крестной матери, а мальчика – крестному отцу. В с. Вятское Царевококшайского уезда свекровь вынимала новорожденного из люльки, одевала его и передавала крестной матери, которая несла новорожденного в церковь. Может быть, это отчасти было связано с тем, что в неразделенных семейных коллективах свекровь иногда выполняла функции повитухи. Но, с другой стороны, подобные действия свекрови, как старшей женщины семейного коллектива, могли символизировать признание новорожденного членом этого коллектива.

В с. Кувакино, Явлеи Алатырского уезда, Русская Ляжмарь Уржумского уезда новорожденного до церкви несла родная мать, где передавала его куме. Из купели мальчика воспринимал крестный отец, а девочку – крестная мать. Воспринимали они на полотенце родной матери. Роженица в это время сидела в избушке около церкви. После обряда крещения кумовья передавали ей ребенка, и она несла его обратно домой [9]. Нами зафиксирован лишь один случай в д. Марково Царевококшайского уезда, когда новорожденного в церковь, которая находилась в другом населенном пункте,

вез крестный отец. Присутствие крестной матери в этом случае было так же обязательным, она принимала из купели девочку [9]. Повсеместно крестный отец обязан был приготовить для новорожденного крестик и заплатить за крещение [5, с. 117; 9; 14, с. 74 и др.]. В населенных пунктах Мамадышского уезда крестный отец носил в церковь для крещения воду. В с. Троицкий Посад Козьмодемьянского уезда если крестили мальчика, то воду несла крестная мать, а крестный отец нес младенца, и наоборот [9].

Таким образом, в первой и третьей группе обычаев и обрядов родильного комплекса (исходя из трехчленного деления Д. К. Зеленина) как объектом, так и активным участником многих обрядовых действий являлась роженица, ее муж, повитуха. Новорожденный на протяжении всего комплекса являлся объектом, на который были направлены различные обрядовые действия. Во второй группе обычаев и обрядов, символизирующих прием новорожденного в семью и общину, активными участниками выступали муж роженицы, свекровь, повитуха, крестный отец и крестная мать, родственницы, как состоящие в браке, так и вдовы. Пассивными участниками являлись мужчины, члены семейно-родственного коллектива. Основы регламентации обрядовых действий родильного комплекса между членами семейно-родственного коллектива были заложены в период дуально-экзогамного брака, в период матрилинейности и патрилокальности. В ходе эволюции форм семейно-брачной организации происходила дальнейшая персонификация обрядовых действий, в основном двух групп обрядового комплекса. И сегодня, как показывают полевые исследования, отдельные элементы традиционной семейной обрядности, претерпев серьезные трансформации, продолжают бытовать и интерес к ним не иссякает. Но об этом речь в следующих публикациях.

1. Бусыгин Е. П., Зорин Н. В., Зорина Л. И. Русская сельская семья Чувашской АССР. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1980. 192 с.

2. Бусыгин Е. П., Зорин Н. В., Михайличенко Е. В. Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья. Историко-этнографическое исследование (середина XIX – начало XX вв.). Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1973. 165 с.

3. Бусыгин Е. П., Зорин Н. В., Токсубаева Л. С. Декоративное оформление сельского жилища в Казанском Поволжье. Казань, 1986. 126 с.

4. Волков В. Н. Архаика русской культуры и модернизация российского общества // Вестник Марийского государственного университета. 2013. № 11. С. 30–33.

5. Гаврилюк Н. К. Картографирование явлений духовной культуры (по материалам родильной обрядности украинцев). Киев, 1981. 279 с.

6. Золотова Т. А., Махновец Т. А., Нечаева А. А., Сабитов С. С. Русская традиционная (народная, православная) культура в Республике Марий Эл // Вестник Марийского государственного университета. 2008. № 2. С. 34–37.

7. Иванов Т. Ф. Роды, крестины... // Российский этнографический музей. Фонд кг. Тенишева. Ф. 7, оп. 1, д. 472.

8. Износков И. А. Материалы о жителях и селениях... // Отдел рукописей научной библиотеки КГУ им. Лобачевского. Ф. 2246, 2243, 2244, 2250.

9. Полевые записи этнографических экспедиций КГУ. Вопросы внутрисемейных отношений и семейной обрядности // Архив этнографического музея Казанского университета. Ф. 5, оп. 3, дд. 1–6.

10. Попов Н. Этнографическое описание г. Чебоксар и его уезда // Архив Русского географического общества. Ф. 14, оп. 1, д. 101.

11. Редько А. Нечистая сила в судьбах женщины-матери // Этнографическое обозрение. 1899. № 1–2. С. 54–131.

12. Родзин Т. Сходы. Суд и расправа... Роды. Уход за роженицей. Крестины // Российский этнографический музей. Фонд кн. В. Н. Тенишева, ф. 7, оп. 1, д. 1506.

13. Соловьев Е. Т. Юридические нормы отношений между членами семьи в Тетюшском уезде // Казанские губернские ведомости. 1875. № 26, 34, 46, 96.

14. Успенский Д. И. Родины и крестины, уход за родильницей и новорожденным (по материалам, собранным в Тульской губернии) // Этнографическое обозрение. 1895. № 4. С. 71–95.

15. Флигинских Е. Е. Обрядовые суеверия в культуре русского народа // Вестник Марийского государственного университета. 2014. № 3 (15). С. 109–112.

1. Busygin E. P., Zorin N. V., Zorina L. I. Russkaja sel'skaja sem'ja Chuvashskoj ASSR. Kazan': Izd-vo Kazanskogo un-ta, 1980. 192 p.

2. Busygin E. P., Zorin N. V., Mihajlichenko E. V. Obshhestvennyj i semejnyj byt russkogo sel'skogo naselenija Srednego Povolzh'ja. Istoriko-jetnograficheskoe issledovanie (seredina XIX – nachalo XX vv.). Kazan': Izd-vo Kazanskogo un-ta, 1973. 165 p.

3. Busygin E. P., Zorin N. V., Toksubaeva L. S. Dekorativnoe oformlenie sel'skogo zhilishha v Kazanskom Povolzh'e. Kazan', 1986. 126 c.

4. Volkov V. N. Arhaika russkoj kul'tury i modernizacija rossijskogo obshhestva. *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013. No. 11. Pp. 30–33.

5. Gavriljuk N. K. Kartografirovanie javlenij duhovnoj kul'tury (po materialam rodil'noj obrjadnosti ukraincev). Kiev, 1981. 279 p.

6. Zolotova T. A., Mahnovec T. A., Nechaeva A. A., Sabitov S. S. Russkaja tradicionnaja (narodnaja, pravoslavnaja) kul'tura v Respublike Marij Jel. *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2008. No. 2. Pp. 34–37.

7. Ivanov T. F. Rody, krestiny... *Rossijskij jetnograficheskij muzej*. Fond kg. Tenisheva. F. 7, op. 1, d. 472.

8. Iznoskov I. A. Materialy o zhiteljah i selenijah... *Otdel rukopisej nauchnoj biblioteki KGU im. Lobachevskogo*. F. 2246, 2243, 2244, 2250.
9. Polevye zapisi jetnograficheskikh jekspedicij KGU. Voprosy vnutrisemejnyh otnoshenij i semejnoj obrjadnosti. *Arhiv jetnograficheskogo muzeja Kazanskogo universiteta*. F. 5, op. 3, dd. 1–6.
10. Popov N. Jetnograficheskoe opisanie g. Cheboksar i ego uezda. *Arhiv Russkogo geograficheskogo obshhestva*. F. 14, op. 1, d. 101.
11. Red'ko A. Nechistaja sila v sud'bah zhenshhiny-materi. *Jetnograficheskoe obozrenie*. 1899. No. 1–2. Pp. 54–131.
12. Rodzin T. Shody. Sud i rasprava... Rody. Uhod za rozhenicej. Krestiny. *Rossijskij jetnograficheskij muzej*. Fond kn. V. N. Tenisheva, f. 7, op. 1, d. 1506.
13. Solov'ev E. T. Juridicheskie normy otnoshenij mezhdru chlenami sem'i v Tetjushskom uezde. *Kazanskije gubernskie vedomosti*. 1875. № 26, 34, 46, 96.
14. Uspenskij D. I. Rodiny i krestiny, uhod za rodil'nicej i novorozhdennym (po materialam, sobrannym v Tul'skoj gubernii). *Jetnograficheskoe obozrenie*. 1895. No. 4. Pp. 71–95.
15. Fliginskih E. E. Obrjadovye sueverija v kul'ture russkogo naroda. *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014. No. 3 (15). Pp. 109–112.

Статья поступила в редакцию 20.12.2015 г.

N. V. Rychkova¹, G. R. Stolyarova²

¹*Kazan State Research Technological University, Kazan.*

²*Kazan (Volga) Federal University, Kazan*

MAGIC OF COMMUNICATION IN FAMILY RITUALS OF THE RUSSIANS OF VOLGA REGION

The presented article considers some aspects of socionormative block of traditional culture of one of the local ethno-territorial groups of the Russians – the Volga Russians. The article is based in field data obtained in different years by participants (including the authors) of ethnographic expeditions of Kazan University in the national republics of the Middle Volga and archival sources; used also scientific and regional literature. Expedition material was collected mainly by carrying out in-depth interviews; also were used methods of observation, video fixation. There characterized in detail the main elements of the delivery ritual with the release of general and local features for the Volga Russians. The basic participants of the ritual complex, their degree of activity at different stages, use of ritual elements were identified. It is shown that magic complex actions of maternity were aimed primarily at stabilizing the family collective.

Keywords: the Volga Russians, Kazan (Volga region), traditional culture, family rituals